

Цзян Муюнь тихо вздохнул и удержал Гу Цинчана:

— Не вини А Тина. Ему и так нелегко.

Сказав это, он улыбнулся Гу Тину, и в его осанке, в его взгляде была предельная утонченность и теплота:

— А Тин, я лишь хочу уберечь тебя. Сейчас твои лучшие годы, впереди — бездна возможностей. Не хорони всю свою жизнь из-за минутного порыва. Выйди из этого двора, взгляни на небо над головой. Мир огромен. Ты сможешь увидеть жизнь куда ярче и встретить людей, что будут лелеять тебя всем сердцем.

Слова звучали искренне и проникновенно.

Но Гу Тин больше не был тем простаком, которого дурачили всю жизнь. Сладкие речи, прелестные личины — всё это лишь мимолётный дым. Зачем ему жить в мире иллюзий?

— Одним словом — хотите, чтобы я ушёл, дабы вы могли безнаказанно распоряжаться стариками и детьми в резиденции? — Гу Тин прижимал к груди грелку, глаза его были опущены. — А если я не уйду?

Гу Цинчан смотрел на него с изумлением:

— Гу Тин, ты с ума сошёл? Мечей в их руках не видишь? Не уйдёшь — лишь смерть тебя ждёт!

Гу Тин на мгновение задумался:

— А по-моему, этот путь куда приятнее.

Цзян Муюнь вздохнул и пристально посмотрел на Гу Тина:

— Что ж. А Тин, позволь мне быть с тобой. В жизни — опора, в смерти — спутник. Как в детстве: что бы ты ни задумал, я буду рядом.

Гу Тин провёл длинными пальцами по филигранному узору грелки и мягко улыбнулся:

— Хорошо. — Затем повернулся к Гу Цинчану. — Если хочешь — присоединяйся.

Гу Цинчан тут же напрягся:

— И не надейся! — Он не только сам отказался, но и вцепился в рукав Цзян Муюня, не позволяя тому сделать шаг. — И ты тоже — не смей! Не смей ввязываться в это безумие!

Цзян Муюнь, конечно, попытался вырваться, но безуспешно. Он лишь с горечью вздохнул и бросил Гу Тину безмолвный, полный скорби взгляд, словно говоря: «Не то чтобы я не хотел умереть с тобой, — просто сил не хватает, твоего брата не одолеть».

Гу Тин фыркнул, теряя интерес к этой словесной дуэли:

— Вы твердите, что Хо Янь мёртв, но я не верю. Пока жив — должен предстать перед очами, пока мёртв — должен предстать телом. Раз трупа не видно — значит, это ваша подлая уловка, чтобы нас поссорить!

Цзян Муюнь снова вздохнул:

— Ты так страдаешь ради него, но кто это ценит? Я слышал о событиях последних дней. Князь на границе сражается, вершит великие дела. Он столь значителен, что ему, конечно же, не до твоей жизни. Захотел бы ты упрекнуть его — мир тебя не поймёт. Но где же он теперь, когда сражения отгремели? Шпионы, тайные агенты — всё это по-прежнему связано с войной. Он продолжает своё великое служение, а когда думал о тебе? Откуда взялись те слухи? Почему вокруг тебя столько непонимания? Князь — Страж Севера, погружённый в важные дела, ни единым словом не обронил в твою защиту. Те, кто тебе завидует, разве что язвят: «Повезло тебе с князем, счастливец». А прочие? Говорят, что ты пресмыкаешься, что подлую игру затеял, что ради могущественного покровителя на всё готов, что ты...

Цзян Муюнь прикрыл лицо, словно слова эти были слишком грязны, слишком мерзки, чтобы их произносить.

— Если бы князь и впрямь о тебе заботился, разве допустил бы он такое? — С болью взирая на Гу Тина, он продолжал:

— Гляди, даже мёртвый, он заставляет тебя ради призрачной верности оберегать его семью. Резиденция князя — Стража Севера тебе чужая. Ни кровных уз, ни потомства. Ты носишь фамилию Гу, ты наш брат, наша кровь. Пусть в прошлом было нелегко — мы прошли этот путь вместе, поддерживая друг друга.

— Гу Тин, ты достоин лучшей доли и лучшего спутника. Видеть, как ты мучаешься, запутавшись в сетях, из которых нет выхода, — мне больно.

Лёгкий снежок кружился в воздухе. На стене дрогнула ветка сливы, алое цветение оттеняло прекрасные черты его лица, словно вобрав в себя всю красоту замершего времени.

Цзян Муюнь протянул руку к Гу Тину. Пальцы его были стройны, голос чист и нежен, будто вобрав в себя всю нежность мира:

— Забудь его. Пойдём со мной.

Слова Цзян Муюня вызвали волну сочувствия вокруг. Люди сжимали кулаки, глаза их наливались краской. Даже наёмники в чёрном замедлили натиск, ожидая решения Гу Тина.

В глазах большинства простых людей это и впрямь не стоило того. Такой прекрасный юноша, статный, умный, проникательный, с добрым сердцем. Всего несколько дней назад его поступок на городской стене поразил весь город. Как верно сказал господин Цзян — такой достойный молодой человек и вправду заслуживает лучшей участи.

Конечно, их собственный князь тоже хорош — отважен, могуч, герой из героев, достоин всего лучшего в мире! Но если господин Гу не желает быть потешным мальчиком... в этом нет его вины. Он и так сделал больше чем достаточно — кто посмеет требовать ещё?

Люди из резиденции забеспокоились, особенно стражи — на лбах у них выступил пот:

— Господин Гу, не слушайте его!

— Врёт он, сеет раздор!

— Будь вы неважны, будь вы резиденцией не приняты — разве позволили бы вам здесь хозяйничать? Разве стали бы мы вас слушаться?

Цзян Муюнь, улучив миг, тут же вставил своё, с ещё большей болью взирая на Гу Тина:

— Видишь? В чужих глазах ты тоже недостоин.

Страж, говоривший ранее, вспыхнул:

— Врёшь! Я не это имел в виду, не перевирай!

Цзян Муюнь и взглядом не удостоил его, не отрывая глаз от Гу Тина:

— Это место не стоит того.

— Господин ошибается!

Старый управляющий Хо поспешил вперёд. Вежливо поклонившись собравшимся и вовсе не удостоив внимания Цзян Муюня, он обратился прямо к Гу Тину:

— Наша Вдовствующая великая княгиня мудра и проницательна, решения её взвешенны и прямы. Разве стала бы она принимать в дом и вверять управление тому, кто ей не мил и не признан? Она доверила вам весь дом именно потому, что вы ей по сердцу, что она вас признаёт. И молодые господа, и госпожи видят в вас старшего брата, души в вас не чают — разве может это быть ложью? Если ныне вы решите удалиться — мы не осудим. Это и впрямь не ваша забота, вы уже сделали всё возможное. Но умоляем — пусть решение это будет вашим собственным, а не навеянными чужими речами!

Старый управляющий перевёл дух и продолжил:

— И умоляем — не вините князя. Он вас высоко ставит. Просто дела запутаны, и времени не хватает. В те дни, когда слухи ползли, он не бездействовал — он размышлял, как подступиться, чтобы вас не прогневать. Хотел стать ближе, но боялся быть навязчивым, дабы не вызвать вашей неприязни. Столького он хотел совершить... просто не успел...

Цзян Муюнь снова ухватился за слабинку, едва приподняв веко:

— Старец, вы ошибаетесь. Коли А Тин — сокровище сердца князя — Стража Севера, его самая драгоценная жемчужина, — откуда же тогда опасение быть навязчивым?

Окружающие погрузились в молчание. В самом деле, коли уж столь близки, какая может быть навязчивость? Чувства, взволнованные речами старого управляющего, вновь поутихли.

Гу Тин бросил на Цзян Муюня острый взгляд:

— Наши с ним приватные игры — наше дело. С чего бы мне посвящать тебя в подробности? А если я люблю пококлетничать и покапризничать?

Цзян Муюнь, казалось, был глубоко уязвлён. Скорбно прижав руку к груди, он прошептал:

— Неужели... ты должен ранить меня так жестоко?

Гу Тин позволил себе лёгкую улыбку.

Он-то знал лучше всех. Между ним и Хо Янем не было речи о любви. Времени прошло слишком мало — он не мог полюбить Хо Яня, Хо Янь не мог полюбить его. Но Хо Янь явил ему всю свою искренность, пожелал стать ему другом. Все эти тайные ходы, намёки, выстроенные в цепь

улик, — Хо Янь лишь совершал их, не говоря ни слова, предоставляя Гу Тину самому всё разглядеть, прочувствовать, понять. Ему нравился этот мягкий, ненавязчивый подход, он даже восхищался этой игрой в загадки. Хо Янь словно бы никогда и не отдалялся, стоял рядом и манил его: «Подойди, узнай меня. Хочу стать тебе другом. Согласен?»

Он согласился. И был очарован. Он ненавидел всё насильственное, все шаблоны — вроде двусмысленных речей Цзян Муюня, что были скрытой формой принуждения.

— Ты прав. Хо Янь занят. Каждый день занят великими делами. Во время войны — нет передышки, после войны — тоже нет. Вся его жизнь отдана защите других — и, быть может, никогда не изменится. Он велик, но тем, кто рядом, нелегко. Но кто-то же должен это делать. Следуя твоей логике, такие люди недостойны иметь спутника, недостойны счастья. Выходит, все подобные ему недостойны жизни?

Гу Тин сделал шаг вперёд. Лицо его стало напряжённым и суровым:

— Если они недостойны жизни — откуда же взялся твой нынешний мирный день?

Люди подняли головы. Кулаки сжались ещё туже, глаза налились кровью.

<http://bllate.org/book/16279/1466248>